

МЭРИ КУБИКА

ДРУГАЯ
МИССИС

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

Mary Kubica
THE OTHER MRS

THE OTHER MRS. © 2020 by Mary Kyrychenko

All rights reserved including the right of reproduction in whole, or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A. This is a work of fiction.

Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination, or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales are entirely coincidental.

Художественное оформление *Евгении Аленушкиной*

Кубика, Мэри.

К88 Другая миссис / Мэри Кубика ; [перевод с английского Е.С. Никитина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Ток. Преступления страсти).

ISBN 978-5-04-159711-5

Когда Уилл Фоуст перевозил жену и сыновей в крохотный городок в штате Мэн, он был уверен: именно тут они смогут построить лучшее, светлое будущее. Однако его жену Сэйди пугают и мрачная, полная ненависти племянница, чья мать — сестра Уилла — покончила с собой здесь же на чердаке, и замкнутые, неприветливые соседи. А тут еще это жестокое убийство соседки всего через несколько недель после их приезда...

Мало того: кто-то отправляет анонимное угрожающее послание самой Сэйди. Послание с одним-единственным словом: «Умри». И чем дальше, тем меньше ей хочется возвращаться в этот старый, мрачный, скрипучий дом, в котором (Сэйди не сомневается!) затаился юный, но опасный и невероятно расчетливый враг. Враг, причастный и к убийству соседки тоже — об этом говорят улики, которые Сэйди случайно нашла на лестнице...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Никитин Е.С., перевод
на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159711-5

Посвящается Мишель и Саре

Сэйди

С этим домом что-то не так. Что-то в нем не дает мне покоя, тревожит. Не пойму, в чем дело. С виду — сплошная идиллия. Опоясывающая дом крытая веранда. Симметричные ряды окон радуют глаз. Улица тоже очаровательна: под уклон, с аллеями деревьев и такими же красивыми, ухоженными домами.

На первый взгляд, тут нет ничего такого, что может не понравиться. Но я-то знаю, что не стоит судить по первому впечатлению. Да и денек выдался серым — под цвет фасада. Свети сейчас солнце, я, возможно, не беспокоилась бы.

— Вот этот, — говорю я, указывая на коттедж: точь-в-точь как на фотографии, переданной исполнителем завещания. На прошлой неделе Уилл, мой муж, слетал в Портленд — подготовить все необходимые документы — и вернулся, чтобы мы смогли вместе поехать сюда. Он еще не успел осмотреть наследство.

Машина останавливается посреди улицы. Мы дружно подаемся вперед, с любопытством разглядывая здание. Все молчат. Наконец Тейт бормочет, что дом

просто огромный, картавя, как и большинство семилетних детей. Уилл смеется, обрадованный, что теперь не он один понимает: в переезде в штат Мэн есть свои плюсы.

На самом деле дом не такой уж и огромный, но по сравнению с кондо¹ площадью тысяча двести квадратных футов он, конечно, выглядит великаном. Особенно если приплюсовать двор. До сих пор у нас не было собственного двора.

Уилл осторожно жмет на газ и сворачивает на подъездную дорожку. На парковке мы вылезаем — кто быстрее, кто медленнее, хотя собаки, разумеется, впереди всех — и разминаем ноги, радуясь, что долгая поездка подошла к концу. Здешний воздух отличается от привычного: он пропитан запахами влажной земли, океана и леса. Совсем не так, как в Чикаго. Тишина на улице жутковатая и тревожная: чем больше народу, тем безопаснее. Среди толпы вероятность ЧП меньше. Существует распространенное заблуждение, что сельская жизнь не так опасна, как городская. Но это если не учитывать, что в городах живет гораздо больше людей и что в сельской местности плоховато с медициной.

Уилл идет к крыльцу. Собаки несутся следом и обгоняют его. Чувствую обиду: в отличие от меня, муж здесь по своей воле. Он хочет поскорее зайти внутрь и осмотреться, и только у самого крыльца замечает, что я не иду следом.

— Всё в порядке?

---

¹ Кондоминиум. — Здесь и далее примечания переводчика.

Ничего не отвечаю, поскольку не уверена в этом.

Тейт с энтузиазмом бежит к отцу, а вот четырнадцатилетнему Отто явно не хочется идти в дом. У нас всегда были схожие привычки и вкусы.

— Сэйди, — теперь Уилл спрашивает по-другому, — ты идешь или нет?

Он говорит, что на улице холодно. А я и не заметила, потому что сосредоточилась на другом — например, на высоких деревьях, закрывающих солнечный свет. И на том, каким скользким и опасным, должно быть, становится уличный склон во время снегопада.

На пригорке, на своей лужайке, мужчина с граблями в руке. Он остановился и, кажется, наблюдает за мной. Я машу ему по-соседски, но мужчина не машет в ответ, а отворачивается и продолжает работу. Смотрю на Уилла. Он молчит, хотя точно должен был заметить незнакомца.

— Идем, зайдем внутрь, — зовет он.

Поворачивается и поднимается по ступенькам — Тейт за ним, — останавливается у входной двери, вытаскивает из кармана ключи. Стучит, но не ждет, когда его впустят, — отпирает и распахивает дверь. Отто тоже идет к дому. Я за ним: не хочу оставаться одна на улице.

Дом старьей: панели из красного дерева, тяжелые шторы, оловянные потолки¹ и выкрашенные в цвета

---

¹ Оловянное покрытие для потолков, распространение которого наблюдалось с начала XIX в., было ответом американцев среднего класса на декоративные потолки из гипса в Европе. В наше время считается винтажным элементом интерьера.

леса — коричневый и зеленый — стены. Пахнет плесенью. Темно и мрачно.

Мы толпимся в прихожей и оценивающе рассматриваем обстановку. Планировка первого этажа классическая, с изолированными комнатами. Все кажется каким-то казенным, неприветливым.

Я отвлекаюсь, разглядывая изогнутые ножки обеденного стола. Стоящий на нем потускневший канделябр. Пожелтевшую обивку стульев. И не вижу ее, стоящую наверху, на лестничной площадке. Если б краем глаза я не уловила какое-то движение, то, возможно, так ее и не заметила бы.

Она — угрюмая худощавая девушка во всем черном. Черные джинсы, черная футболка с белой надписью, гласящей: «Хочу сдохнуть». Ноги босые. Темные длинные волосы с косой челкой. Глаза густо подведены. В носу пирсинг. Кожа бледная, как у привидения.

Тейт тоже замечает ее, перебегает от Уилла ко мне и прячется, уткнувшись лицом в мою спину. Обычно он не пуглив. Я тоже, но сейчас отчетливо чувствую, как волосы на затылке встают дыбом.

— Привет, — неуверенно здороваюсь я.

Уилл смотрит на нее, называет по имени и поднимается по ступенькам, которые скрипят под его ногами, словно протестуя против нашего прибытия.

— Имоджен... — Он широко разводит руки, наверное, ожидая, что девушка позволит заключить себя в объятия. Но она этого не делает, потому что ей шестнадцать и перед ней едва знакомый мужчина. Что ж, нельзя винить ее за такую недоверчивость. И все

же задумчивая меланхоличная девушка совсем не вяжется с тем образом, который возник у меня в голове после того, как нам сообщили о передаче опекуна над ребенком.

Ее голос тих и полон яда. Это действует на нервы посильнее крика:

— Отвали на хрен.

Она сердито смотрит вниз. Я непроизвольно тянусь прикрыть уши Тейта. Уилл застывает на месте, опустив руки. Он уже видел ее: на прошлой неделе, когда приезжал подписать документы. Именно тогда он официально стал опекуном. Они договорились, что Имоджен поживет у подруги до тех пор, пока мы не переедем сюда.

— Ну и на хрена вы приперлись?

Уилл пытается ответить, что все просто: если б не мы, ее, скорее всего, передали бы в приемную семью, пока ей не исполнится восемнадцать. Конечно, если бы не предоставили самой себе, что маловероятно. Но это не тот ответ, который устраивает Имоджен. Она молча скрывается в одной из комнат второго этажа. Уилл собирается идти следом, но я вмешиваюсь:

— Дай ей время.

Он слушается.

Имоджен идет в комплекте с домом. Ей шестнадцать, она практически самостоятельна. По крайней мере, так я пыталась аргументировать это — конечно же, у девушки есть подруги или знакомые, у которых можно пожить до совершеннолетия, — но муж сказал «нет». После смерти Элис у Имоджен не осталось родных, кроме нас.

Но эта девушка совсем не похожа на фотографию беспечной веснушчатой шестилетней девочки. Она сильно изменилась. Время обошлось с ней сурово.

— Ей нужна семья, — сказал Уилл всего несколько дней назад... хотя кажется, что прошли недели. — Семья, которая будет ее любить. Заботиться о ней. Она совсем одна.

При мысли об осиротевшем ребенке, совершенно одиноким в этом чужом мире, во мне проснулся материнский инстинкт.

Я не хотела ехать сюда. Настаивала: пусть лучше Имоджен переберется к нам. Но, с учетом множества других обстоятельств, нам все-таки пришлось приехать.

И теперь я в который раз спрашиваю себя: какие катастрофические последствия ждут нашу семью из-за этих перемен? Уж явно не «начало с чистого листа», в которое так оптимистично верит Уилл.

Сэйди

СЕМЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

Нас будит сирена. Я услышала ее вой посреди ночи и увидела бьющий в окно свет. Уилл резко садится в кровати и хватается за прикроватной тумбочки очки.

— Что случилось?

С минуту мы сидим молча, слушая, как звук удаляется, затихает, но так и не смолкает до конца. Видимо, машина остановилась где-то на нашей улице.

Другая миссис

— Как думаешь, что случилось? — повторяет Уилл.

Мне приходит на ум только пожилая соседская чета: старичок, который возит по улице свою жену в инвалидном кресле, хотя сам еле ходит. У них обоих седые волосы и морщинистые лица. Спина старичка изогнута, как у горбуна из «Собора Парижской Богоматери». У него всегда усталый вид. Кажется, это жене надо возить его, а не наоборот. Особенно учитывая крутой уклон улицы к океану.

— Что-то с Нильссонами, — хором произносим мы. Без особого сочувствия, потому что в происходящем нет ничего удивительного. Пожилые люди часто травмируются. Заболевают. Умирают.

— Сколько времени? — спрашиваю я, но Уилл уже вернул очки на тумбочку и ответил «не знаю». Прижался ко мне, обнял за талию, и я почувствовала подсознательное влечение.

В такой позе мы и заснули, совершенно позабыв про разбудившую нас сирену.

* * *

Утром я — по-прежнему усталая после беспокойной ночи — принимаю душ и одеваюсь. Мальчишки завтракают на кухне. Слышу шум и выхожу из спальни. Мне не по себе. Дело в Имоджен: даже несколько недель спустя ей по-прежнему прекрасно удается заставить нас чувствовать себя незваными гостями.

Пробираюсь по коридору. Комната Имоджен чуть приоткрыта, и это странно: она всегда закрывает за

собой дверь. Девушка не знает, что я наблюдаю за ней. Она стоит ко мне спиной и, наклонившись к зеркалу, подводит глаза.

Пользуюсь возможностью как следует рассмотреть комнату. Темные стены увешаны плакатами с изображениями артистов и музыкальных групп, которые очень похожи на нее: с длинными черными волосами и черными глазами, одетые во все черное. Над кроватью висит что-то тонкое и черное, напоминающее балдахин. Постель не застелена. На полу валяется темно-серое пуховое одеяло в узкую полоску. Плотные шторы задернуты, не пропуская свет, что невольно вызывает ассоциации с вампирами.

Имоджен заканчивает подводить глаза. Закрывает карандаш колпачком и резко поворачивается. Я не успеваю спрятаться.

— Какого хрена тебе надо? — От злобности и вульгарности вопроса перехватывает дыхание. Имоджен не в первый раз говорит со мной таким тоном, а я до сих пор не привыкла.

Девушка бросается вперед так стремительно, словно собирается ударить меня. Раньше такого никогда не было. Но, судя по ее скорости и выражению лица... Я невольно отшатываюсь. Имоджен захлопывает дверь. Я рада уже тому, что меня не ударили, а только закрыли дверь прямо перед носом. Сердце колотится в груди. Стою в коридоре, затаив дыхание, прокашливаюсь, стараясь оправиться от шока. Подхожу ближе, стучу костяшками пальцев по дереву и говорю:

— Через несколько минут я еду на паром. Если хочешь прокатиться со мной...

Голос так предательски дрожит, что самой противно. Имоджен не отвечает. Я прекрасно знаю, что она не согласится.

Разворачиваюсь и иду вниз по лестнице, на запах завтрака. Уилл в фартуке стоит у плиты и переворачивает блины, напевая одну из тех веселых песенок с компакт-дисков, которые так любит Тейт. Слишком веселую для семи пятнадцати утра.

Увидев меня, он замирает.

— Всё в порядке?

— Да, — натянуто отвечаю я.

Собаки кружат у его ног в надежде, что им перепадет что-нибудь вкусненькое. Собаки большие, а кухня маленькая. Тут и четверым тесно, не говоря уже о шестерых. Подзываю собак и увожу их на задний двор.

Когда я возвращаюсь, Уилл с улыбкой протягивает мне тарелку. Я ограничиваюсь кофе и прошу Отто доедать поскорее. Он сидит за кухонным столом, ссутулившись над своими блинами, чтобы казаться меньше. Его неуверенность беспокоит меня, хоть я и твержу себе, что это нормально для четырнадцатилетнего. Каждый подросток проходит через это... вопрос в том, всегда ли *проходит*.

Через кухню топают Имоджен в черных джинсах, разорванных на бедрах и коленях. На ее ногах — черные кожаные армейские ботинки с почти двухдюймовым каблуком, но даже без них она выше меня. В ушах — сережки в форме вороньих черепов. На футболке надпись «Нормальные люди — отстой».